

ность со-принадлежности к некоему целому стремится реализовать личность в своей творческой деятельности.

Человек как единичное и конечное существо включен во всеобщность и бесконечность универсума, человеческого рода, социума и постоянно стремится обнаруживать и формировать в себе силы, которые делают его соразмерным этой всеобщности, удерживают в ней. О. Л. Краева трактует духовность «как творческую силу самого человека, делающую его соразмерным человеческому роду, социуму, универсуму» [7, с. 40].

Начальный этап пути духовного становления человека – этап приобретения мастерства. Чем отличается состояние творца от состояния ремесленника? На этот вопрос предельно точно отвечает В. П. Стахов в своей книге «Творчество скрипичного мастера»: мастер должен не просто форму делать, а организовывать звучание этой формы. У ремесленника творческое начало духа подчинено какой-то частной цели, удовлетворению какой-то частной потребности. Мастер входит в самую суть явлений, сохраняя явления в целостности, видит все и сразу, причем его видение – созидающее. Красота и легкость мастерства – результат достойно пройденного пути ученичества, проявленной воли к совершенствованию себя, своего таланта.

На основе душевного и социального опыта, в процессе рефлексии и саморефлексии, креативной деятельности формируется мироощущение и миропредставление личности, ценностные доминанты которого определяют в конечном счете и видение мира (мировоззрение), и осознание своего места в нем, и характер человекомирных отношений в целом.

Таким образом, творчество – это мера и способ реализации духовной состоятельности человека. Для «человека духовного» классическая дилемма «бытие определяет сознание или сознание – бытие?» снимается парадоксальным образом: творчество одновременно является «жизнетворчеством» и выступает атрибутом человеческого бытия.

Литература

1. Батищев Г.С. Познание творчества // Природа. 1986. №6. С. 50–59.
2. Дыбина О.В. Творчество как сущностная характеристика человеческого бытия. М. : Пед. о-во России, 2001. 96 с.
3. Сагатовский В. Н. Антропологическая целостность: статус и структура // Очерки социальной антропологии. СПб. : АГН, 1995. 236 с.

4. Трофимов М.Ю. Бытийственная природа метафизического рождения : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2003. 19 с.

5. Огурцов А. П. Культура как встреча «Я и Ты»: Мартин Бубер // От философии жизни к философии культуры. СПб. : Алетейя, 2001. С. 185–208.

6. Хамитов Н.В. Философия одиночества. Опыт живания в проблему. Одиночество женское и мужское. Киев : Наук. думка, 1995. 171 с.

7. Краева, О. Л. Диалектика потенциала человека. Н. Новгород – М. : Нижегород. гос. с.-х. акад., 1999. 192 с.

Creativity as self-creation

There are analysed the peculiarities of personal creative potential at different stages of his spiritual formation. There is emphasized the recognition of the notions "creative abilities" and "creativity". Creativity is regarded both as a measure and way of realization of personal spiritual potential, as a way of realization the ability "to be".

Key words: *creative abilities, creativity, relations peaceful to a person, spirituality, self-creation.*

Д.А. ТОМИЛЬЦЕВА
(Екатеринбург)

ИЗВИНЕНИЕ И ПРОЩЕНИЕ: РАЗЛИЧИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Описываются различия в социальных аспектах употребления понятий «прощение» и «извинение». Прощение и извинение представляют собой определённый способ внеинституционального разрешения конфликтных ситуаций и понимаются как действия, освобождающие человека от вины, предполагающие выбор дальнейшей стратегии взаимодействия между пострадавшим и обидчиком.

Ключевые слова: *прощение, извинение, вина, покаяние, восстановление взаимоотношений.*

Прощение и извинение мы можем определить как специфические действия, в которых происходит снятие вины с совершившего проступок человека. Кажется, что невозможно чётко очертить границы, позволяющие разде-

лить оба этих понятия. В повседневном употреблении и на политическом уровне прощение и извинение используются практически как синонимы. Между тем, если обратить внимание на социальные аспекты употребления понятий «прощение» и «извинение», то в действительности различие между ними окажется существенным.

Воспитание своеобразной культуры прощения и извинения как элемента общественно важного* поведения начинается ещё в детстве, вместе с формированием представлений о различных этических категориях (стыд, плохое/хорошее поведение и т.п.). Ребёнка учат или всегда признавать за собой вину и просить за это прощения (таким образом избегать наказания или порицания), или не просить его никогда (мотивируя это необходимостью формировать чувство собственного достоинства). Оба этих сценария так или иначе уже выставляют определённый барьер перед автономностью поведения ребёнка.

Со временем эти сценарии превращаются в способ социального манипулирования, а также рассмотрение чужих поступков сквозь призму своего личного отношения к вопросу «стоит или не стоит просить прощения». К примеру, человек с детства может быть ориентирован не давать прощения прежде, чем об этом попросят. На этапе просьбы выявляется ключевой нюанс, отличающий прощение от извинения: «“Извините” равносильно просьбе признать приведённые смягчающие обстоятельства в качестве оправдания, ... извинить кого-нибудь – значит признать обстоятельства, смягчающие его вину. “Прости/те” же – это просьба говорящего не сердиться, несмотря на то, что не существует неких смягчающих обстоятельств или причин, оправдывающих его неправильное поведение. Соответственно, простить кого-нибудь – значит пообещать ему не обижаться и не сердиться, несмотря на отсутствие оправдания» [3].

Во многом данное различие между прощением и извинением объяснимо тем, что прощение, употреблявшееся в церковной лексике, традиционно было связано с концептом греха. В то же время извинение, этимологически относящееся к вине (из-винить), находилось главным образом в светском употреблении, тем самым область «грехов» оставалась вне пространства его действия.

* Частое употребление слов «извините» или «простите» в качестве формы вежливости в действительности может привести к их «обесцениванию», т.е. сделать столь же незначительными и предшествовавшие им происшествия (см. [4]).

Кроме того, если прощение, как правило, испрашивается, то извинения приносят. В том случае, если они являются формальностью или жестом вежливости, извинения приносят даже заочно, иногда через посредника, и нередко факт принесения важнее, нежели принятие их адресатом. При этом требование прощения означает, что совершивший проступок просит о том, чтобы его простили, в то время как на принесении извинений настаивает пострадавшая сторона. В юридическом контексте принесение извинений может послужить поводом к прекращению судебных разбирательств (в том случае, если оно будет служить примирению сторон).

Существует и иная ситуация: требование официальных извинений помимо материального возмещения ущерба. В этом случае моральное удовлетворение скорее будет не восстановлением испорченных взаимоотношений, а неким подобием публичного унижения обидчика: «пусть признает свою вину перед всем миром, пусть все видят, что он – виновен, возмущение совершённым поступком должно заставить его страдать и раскаиваться».

Извинение несёт в себе двойной смысл: в нём пострадавший лишает обидчика вины, но только через утверждение последним себя виновным [1; 3]. Этот своеобразный «закон» извинения в действительности очень «удобен», поскольку происходящее в принесении извинений кратковременное признание вины приводит не только к её (вины) снятию, но и к освобождению совершившего проступок человека от дальнейшей ответственности за совершённые действия. В том случае, если извинение касается незначительных проступков, признание вины происходит по формуле: «не ведал, что творил», и здесь оно (признание вины) также совпадает с прощением (так, практически нет разницы между «извини, я нечаянно» и «прости, я не нарочно»).

Однако, если речь идёт о действительно серьёзных проступках, принесение извинений (включающее в себя признание вины) нередко превращается в приведение смягчающих или полностью исключают вину обстоятельств**. При этом содержащаяся в приносимом извинении возможность оправдать себя апеллирует к пониманию, и именно в этом кроется разгадка довольно распространённой формулы прощения «понять – значит простить», тогда как в действительности сле-

** Так, в словаре русского языка Ожегова С. И. для извинения приводится в т.ч. значение «основание для оправдания» [2, с. 241].

довало бы говорить об извинении. Но в связи с этим нам предстоит остановиться на ещё одном различии между извинением и прощением.

Когда извинение в действительности заключается во вызывающих к пониманию объяснениях, их адресат – отнюдь не исключительно тот, кому они предназначены. Если участие «постороннего» в большинстве случаев мешает прощающему, поскольку посторонний апеллирует к тому, чтобы прощение соответствовало общепринятой этической норме, то третья сторона – надёжный и преданный союзник извинения. Ведь в конечном счёте важным оказывается не только и не столько построение отношений с конкретным человеком в «мире после произошедшего», но восстановление себя и отношения к себе в статусе, предшествующем совершённому поступку. Следовательно, адресатов может быть множество, включая тех, кто способен понять: «Оно (понимающее прощение. – Прим. авт.) касается анонимной универсальности третьих лиц, оно не обращается к тебе. В отличие от подлинного прощения, оно не вовлечено в непосредственный контакт со своими визави, оно беспристрастно» [5, с. 205].

Количество принимающих извинения лиц может быть неограниченным, и практика политического прощения в действительности представляет собой лишь вызывающее к пониманию извинение: для оправданий, таким образом, нет ни временных, ни пространственных преград, а значит, даже потомки потомков жертв могут удивлённо пожать плечами, недоумевая, как это историческая память оставалась слепой перед вновь открывшейся очевидностью фактов. Наличие в извинении объяснений, оснований для оправдания отличает его от прощения, для которого оправдания не требуются, поэтому понимающее «я тебя извиню, *поскольку ты*» предполагает, что в действительности проступок не был нарушением, как это могло показаться на первый взгляд. Нормативное «я тебя прощу, *если ты*» указывает на то, что нарушение произошло и для его устранения требуется компенсация. Тут и возникает вопрос о том, кому она предназначена.

Как мы уже отмечали выше, извинить может каждый, кто способен понять и (или) оправдать проступок, который после этого перестаёт быть таковым. Разбитая чашка более не следствие моей собственной неловкости, а стечение обстоятельств, жертвой которых стала я сама. Человек способен извинять и в том случае, если он сам может объяснить чужой

проступок. Для этого не требуется принесения извинений, и не имеет особого значения, совершался ли извиняемый проступок исключительно против того, кто извиняет.

В случае прощения адресатом компенсации, покаяния или просьбы может быть исключительно жертва. Но даже наличия всей совокупности условий, «легализующих» обмен «вина – отпущение», оказывается недостаточно. Там, где необходимость сохранения социального порядка является основополагающей, полномочия человека прощать скрываются внешними запретами и требованиями.

Так, к примеру, Дж. Милбанк [7] в одной из пяти приведенных апорий прощения говорит о том, что ни жертва, ни суверенная власть не могут прощать, особенно когда речь идёт о злодеяниях, повлёкших за собой массовую гибель людей. Во-первых, по сравнению с погибшими выжившие не являются жертвами в полном смысле этого слова; во-вторых, прощение, дарованное своему обидчику только одной из жертв, не будет полным, ведь оно существует наравне с ненавистью и болью других пострадавших; в-третьих, в таком прощении или прощении, каким-либо образом ставшем публичным, имеется угроза того, что оно приведёт к крайне нежелательным последствиям, таким как повторение произошедшего в дальнейшем (как самим совершившим, так и кем-то ещё)*. Отметим, что в последнем пункте для преступника прощение должно свидетельствовать о безнаказанности.

Таким образом, если мы не будем брать в расчёт теологические основания, ни один человек не обладает полномочиями прощать. Но только в том случае, когда в рассмотрении возможности дать прощение перед обществом стоит задача не допустить нового (прощение «вопреки») и повторного нарушения социального порядка. Безусловно, что в этом стремлении к безопасности «бесхозность» полномочий прощать будет скорее позитивным качеством, поскольку там, где они могут быть применены на публичном уровне, всегда найдутся те, кто скажет, что прощение было дано незаконно, или те, кого (чью память) оно предаёт, и т.п. Кроме того, следует учитывать, что в каждом акте прощения (как и извинения) происхо-

* Дж. Милбанк разрешает данную апорию через Христа, соединившего в себе и невыжившую жертву ужасного преступления, но через воскрешение могущую поведать о своих страданиях, и божественную суверенную власть отпускать грехи. Эта суверенная власть через Христа становится человеческой, а не божественной.

дит установление социально-хронологических рамок, и, таким образом, оспаривание данного кем-то прощения также означает несогласие с иным представлением произошедшего.

В извинении в силу его обусловленности всегда задаётся некоторый предел воздействия. Кого-то можно оправдать, снять вину до следующего (подобного или нет) проступка: стоит извинённому оступиться, и всё благодатное отпущение вины вмиг улечутится, злопамятность восстанет и восторжествует, в понимании будет отказано, в прежней случайности будет усмотрена некая системность действий. Раз извинённое при случае можно припомнить.

Припоминание также означает возвращение к неизвинённому, к тому, что имели место обман, подлог фактов, ошибочное понимание. Это, следовательно, не злая, но обозлённая память, под воздействием которой вновь происходит осмысление произошедшего, перестраивание взаимоотношений и т.п. По-видимому, извинение содержит в себе принцип повторного наложения вины, находящийся в тесной взаимосвязи с установлением лимита на количество извинений.

Прощение даётся навсегда и без угрозы аннулирования. Его воздействие на прошлое и будущее заключается в том, что «ретроспективное и перспективное время воссоздают некую длительность и по одну, и по другую сторону мгновения: светящаяся точка интенции не только *обретает объёмность*, но, став искрой интенции, ещё и *создаёт эпоху*, и делает это *не спеша*. Миг благого движения души длится сам собою благодаря своим отзвукам и предвосхищению будущего, и фактически он займёт определённую длительность; мгновение невинности переливается через края самого себя, распространяясь на некоторый промежуток времени» [5, с. 250].

В прощении мы имеем дело с постоянной длительностью, препятствующей «повороту времени вспять», без этого воздействия боль или горечь обиды вновь проявили бы себя и тем самым сделали освобождённого несвободным. То есть одновременно эта длительность преграждает путь злопамятности.

Совершённый проступок уже не рассматривается как отдельный эпизод «вне прощения», он в своём «чистом» виде более не существует и не может оказывать влияния на последующий ход событий и отношения между простившим и прощённым, вне зависимости от изменений социального контекста. При каждом мысленном обращении к прошлому

поступку прощение «вновь» прощает и актуализирует само себя, вставая несокрушимой преградой на пути хотя бы мимолётной тени возрождающейся обиды. Таким образом, отношения между людьми строятся на иллюзорном забвении. В действительности оно касается лишь определённых эмоций, вызванных проступком до того, как он был прощён. Проступок и последующее за ним прощение становятся незабвенными, превращаясь в новую точку отсчёта существования простившего и прощённого.

Обобщая всё вышеизложенное, мы можем дать более чёткие определения понятий «прощение» и «извинение», исходя из социальных аспектов их употребления. В извинении происходит освобождение человека от вины и восстановление отношений в статусе, предшествующем проступку, при этом провинившийся может привести смягчающие обстоятельства или оправдания и адресовать свои извинения не только непосредственно пострадавшему, но и всем тем, кто так или иначе оказался сопричастен произошедшему при повторении подобного проступка, извинение может быть аннулировано. Прощение же предполагает, что человек, совершивший проступок, не способен привести смягчающих обстоятельств, и поэтому чаще всего относится к поступкам *неизвиняемым*. По этой причине полномочиями прощать обладает лишь непосредственно пострадавший. Но в случае, если пострадавших несколько и (или) проступок разрушителен для существующего социального порядка, прощение может быть нежелательным; в каждом акте прощения утверждается новая хронология событий, при этом предшествующий проступок не утрачивает своего негативного (с этической точки зрения) статуса.

В различиях в социальных аспектах употребления понятий «прощение» и «извинение», таким образом, раскрываются стратегии внеинституционального разрешения конфликтных ситуаций.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 3 т. Екатеринбург : Урал-Советы (Весть), 1993. Т. 3.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1989.
3. Ратмайр Р. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М. : Яз. славян. культуры, 2003.
4. Северская О.И. Говорим по-русски с Ольгой Северской. М. : СЛОВО/SLOVO, 2005.

5. Янкелевич В. Прощение // Ирония. Прощение. М. : Республика, 2004.

6. Derrida J. To Forgive: The Unforgivable and the Imprescriptible // Questioning God – Blumenton: Indiana university press, 2001.

7. Milbank J. Being reconciled. Ontology and pardon. London : Routledge, 2003.

Apology and forgiveness: differences in social aspects of use

There are described the differences in social aspects of use of the notions "forgiveness" and "apology". Forgiveness and apology correspond to a definite way of uninstitutional conflict resolution and regarded as the actions releasing a person from guilt, supposing the choice of further strategy of collaboration between the victim and offender.

Key words: *forgiveness, apology, guilt, repentance, relationship restoration.*

В.И. ОРЛОВ
(Витебск)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА

Анализируются фактор капиталистического образования и его влияние на развитие бизнеса. Особое внимание уделяется проблемам становления капиталистического образования в России, Беларуси и других республиках СНГ. Автор показывает, что для успешного развития бизнеса необходимо радикальное изменение общественного сознания.

Ключевые слова: *образование, дух капитализма, протестантская этика, бизнес, система ценностей, культура.*

В основе современного капиталистического общества лежало специфическое нравственное начало. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер показал, что капиталистическая система частного предпринимательства возникла не в результате действия объективных законов экономического развития, а как итог становления новой, протестантской этики. «Высшее благо этой этики, – отмечал Вебер, – прежде всего в нажи-

ве, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к "счастью" или "пользе" отдельного человека» [1, с. 75].

Изменение сознания не являлось стихийным процессом, а целенаправленно руководилось определенной частью общества. Таким образом, развитию капиталистической системы исторически предшествовало капиталистическое образование. В данном случае термин «образование» мы употребляем не в узко-профессиональном, а в широком, общегуманитарном смысле. В этом понимании образование, как отмечал немецкий мыслитель Х.-Г. Гадамер, «...теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей» [2, с. 51]. Следовательно, рассматривая термин «образование» в широком смысле, будем считать, что любая целенаправленная деятельность по изменению сознания социума является его образованием. Данное толкование не исключает и узкого понимания образования. В этом смысле капиталистическое образование дают и школа, и вуз, и другие образовательные учреждения.

На первых порах только что зародившаяся система капиталистического образования должна была решить двуединую задачу – радикальной ломки всей системы старого, католического мышления и одновременно привития элементов нового. С обеими задачами она успешно справилась. На основе идеи самоценности земного бытия и была построена система нового протестантского образования, которое с полным правом можно считать капиталистическим образованием, т. к. главным способом, с помощью которого человек сумел бы узнать, *что* он есть, *что* он стоит, у протестантов стал успех в частнопредпринимательской деятельности. Подробный анализ протестантской системы капиталистического образования дается в работах различных отечественных и зарубежных авторов. Однако, к сожалению, в научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные специфической роли образования в становлении и развитии бизнеса на постсоветском пространстве. Именно анализ данной проблемы и является основной целью статьи.